

Пролог

Ноябрь 2021 г.

На Кунжутском плато, которое местные жители называли «плоскогорьем смерти», лежала мелкая, толстым слоем высыпавшаяся за прошедшие века из песочных часов Вселенной серая пыль, которую не тревожили уже десятки или даже сотни лет. Конечно, здесь иногда появлялись коренные обитатели окрестностей: шустрые кунжутские лисы, огромные архары и муфлоны со спирально закрученными рогами, сурки... Мелкие горные козы забредали на плато случайно и, если повезет, разочаровавшись в безжизненном пустынном пейзаже, быстро возвращались вниз, где растут деревья и кустарники, текут быстрые холодные речушки и звенят хрустальные водопады...

А если не повезет, то становились добычей тех, кто стоял в пищевой цепочке повыше: снежные барсы специально спускались сюда с ледяных вершин, чтобы поохотиться, хитроумный манул умело маскировался в каменных осыпях, прожорливый медведь терпеливо выслеживал добычу покрупнее, чтобы наесться до отвала, а остаток мяса завалить тяжелыми глыбами про запас... Да и встреча с гюрзой, зублефаром или скальной гадюкой не сулила ничего хорошего, не говоря уже о сангхуре, одно упоминание о котором наводило ужас на всю округу...

Это из-за него ни по какой, пусть и самой важной, необходимости не выходили на плато жители окрестных селений, даже если искали пропавшую корову или ишака... Часто несчастное животное оказывалось разорванным на куски; окровавленные кости, обрывки шкуры и копыта растаскивали по всему пригорью крупные ястребы-бородачи да скальные шакалы... Несмотря на то, что у беззащитной домашней ско-

тины имеется много врагов, молва приписывала каждое такое злодеяние сангхуру, хотя людей, которые видели его своими глазами, пусть и издалека, было гораздо меньше тех, кто встречался со снежным человеком, которого, впрочем, тоже никто из рассказчиков реально не наблюдал...

Конечно, представители местной фауны оставляли в пыльном океане Кунжутского плато следы своей жизнедеятельности, а когда случалось, то и ее трагического завершения, но регулярный кара-буран — сильный ночной северо-западный ветер, прорывавшийся сквозь цепь окружающих гор, — заравнивал их, как старательный слугитель пляжа где-нибудь на Карибах после захода солнца чистил и разглаживал истоптанный, замусоренный песок, приводя его в парадно-торжественный вид, располагающий к красивому отдыху завтрашнего дня.

Поэтому невзрачная серая пыль Кунжутского плато, как отборный желтый песок дорогого морского курорта, всегда имела первозданную девственную поверхность: ни отпечатков больших и малых копыт или лап, ни иероглифов, оставленных птичьими когтями и клювами, ни извилистых — будто протасили шланг — следов пресмыкающихся, ни взрыхленных, забрызганных кровью, мест смертельной схватки... Ровная, гладкая поверхность, симметрично украшенная полукруглыми волнообразными рельефными узорами, состоявшими из микробарханчиков, над которыми с ювелирной тщательностью постарался кара-буран. Но, в отличие от карибских пляжей, эту благостную картину никогда не нарушали люди: сюда еще не ступала нога человека. Так было до часа «Х».

Когда час «Х» наступил, тридцатикилограммовые транспортные контейнеры, а следом тяжелые солдатские ботинки на высокой шнуровке, упавшие с высоты трех тысяч метров, с раскрывшимися на трехстах метрах парашютами, которые, хотя и с трудом, но погасили скорость приземления до безопасной, столкнулись с Кунжутским плато, лишая его девственности и вздымая облака знаменитой пыли, в которой оставляли глубокие ребристые следы. Ботинок была не одна пара и не две, а ровно десять, не считая ботинок командира, который приземлился немного в стороне от всей группы.

Условия высадки были заранее просчитаны, поэтому бойцы не сняли сразу кислородных масок, что позволило им спокойно дышать и проводить обычную после приземления работу в условиях почти нулевой видимости, вызванной искусственной пыльной бурей. Через полчаса тонкая взвесь осела, парашюты были спрятаны в грудах камней и распаханы по расщелинам, травм личный состав не получил, все привели себя в порядок, насколько возможно отряхнувшись от въедливой пыли, проникавшей в швы и поры комбинезонов.

Они как будто оказались в одном из лунных цирков — огромном круглом кратере с плоским дном, окруженном по периметру зубчатой лентой далеких скал. Рекогносцировка на местности показала, что координаты выброски выдержаны точно, обстановка вокруг спокойная и опасений не вызывает. Таким образом, прибытие специальной оперативно-боевой группы «Кинжал» в район ее применения прошло успешно, точно по тщательно продуманному и детально разработанному плану — как, собственно, обычно и бывало. Другое дело, что в данном случае возвращение группы спланировать оказалось невозможно. Правда, сейчас нацеленные на выполнение боевой задачи бойцы об этом не задумывались. Как говорится, там видно будет...

В горах ночь падает быстро, и вскоре одиннадцать человек растворились в опасной темноте Кунжутского плато. А в Центр ушло сообщение, что группа приступила к выполнению задания.

Глава 1

Сила в правде или правда в силе?

За несколько месяцев до выброски

Загородный ночной клуб «Сапфир» располагался на Шелковском шоссе в десяти километрах от Москвы. Кругом темнота и безлюдье, как в холодном, враждебном человеку космосе. А клуб сверкает яркими огнями: вознесенный над крышей огромный кристалл, изображающий драгоценный камень, давший название заведению, меняет цвета — синий,

желтый, зеленый; исходящие от него белые лучи непрерывно бегают по кругу, мигают полуметровые неоновые буквы названия; разноцветные лампочки гирлянд и выполненные под старину фонари на литых столбах придают усадьбе торжественный и праздничный вид. «Сапфир», как местное солнце, вокруг которого концентрируется бурлящая и веселая вселенная — со звездами светских вечеринок, знаменитостями разного масштаба, узнаваемыми лицами завсегдаев подобных заведений... Казалось, он всеми силами старался убедить, что за МКАДом тоже есть жизнь. И это у него получалось.

Свет сапфирового солнца вырывает из ночного мрака прилегающую территорию: небольшой ухоженный сквер, гостиницу, декоративный бассейн, огражденную низкими столбиками с провисшими между ними тяжелыми цепями автостоянку, заставленную большими дорогами машинами, в лакированных бортах которых отражаются разноцветные блики... Иногда из респектабельного, стилизованного под английскую архитектуру двухэтажного здания вырывается громкая музыка — когда распахивается дверь и наружу выходят освежиться пары и небольшие компании, одуревшие от оглушительных синкоп, пьянящих коктейлей, танцев до упаду, а иногда и запрещенных веществ... Модно и дорого одетые мужчины самого разного возраста, которых объединяют уверенные манеры и ощутимо исходящий от каждого запах больших денег, и девушки, все как на подбор молодые, ухоженные, рискованно одетые и готовые на все...

В простых умах может возникнуть избитая аналогия с бабочками, летящими на манящий и смертельно опасный огонь свечи, в более искушенных мозгах зашевелится мыслишка об астероидах, метеоритах и мелких осколках планет, попавших в поле притяжения столь же яркого, сколь и могучего солнца... Но здесь вряд ли рассуждают о высоких материях: находящиеся в веселом возбуждении гости прогуливаются по посыпанному красным песком аллеям, смеются, флиртуют, особо разгоряченные прямо в одеждах купаются в бассейне, некоторые пары ныряют в гостиницу на час-два или до утра...

У таксиста из желтой «Нексии», стоявшей в стороне, куда не добивал свет фонарей, невольно наблюдающего за «сапфировой» жизнью, ум был скорей простым, чем сложным, но

он не анализировал происходящее и никаких выводов и умозаключений не делал, потому что был заточен не на пустые мысли, а на конкретный заработок. Его понятие об отдыхе даже отдаленно не напоминало то, как проводят время в ночных клубах, поэтому жизнь, бурлящая здесь, была ему непонятна и глубоко безразлична. Лишь когда распахнувшаяся в очередной раз дверь увеличила громкость рваных ритмов, ударивших ему по барабанным перепонкам, он поморщился.

Наружу высыпала стайка хохочущих девушек, и его азиатский прищур еще немного сузился: нет ли среди них сделавшей заказ клиентки? Все ночные красавицы были веселыми, симпатичными, в коротких юбках, с глубокими декольте и вырезами на спине, иногда доходящими до копчика. Но никто из них уезжать явно не собирался, просто вышли подышать свежим воздухом и покурить, хотя вторая цель явно перечеркивала первую. Имелись у них и более практичные замыслы, очевидные для данного места, но неискушенный шоферюга, конечно же, не мог их прогнозировать.

Хотя ситуация была предельно ясной: ночные красотки искали «рыбу». На их профессиональном жаргоне так назывались обеспеченные, представляющие интерес мужчины. При этом девицы, конечно, не были рыболовами, ибо выловить солидного осетра, истекающего жиром сома или властную, размером со шлюпку королевскую макрель, да еще распоряжаться ими по своему разумению, они заведомо не могли: задача стояла куда скромнее — привлечь внимание какого-либо икряного самца и предоставить ему возможность использовать привлекательность ярких мотыльков по своему усмотрению за более или чаще менее щедрое по сравнению с ожидаемым вознаграждение.

Таксист раздраженно сплюнул через открытое окно.

«Сучки, стыда нет, совести нет, — зло думал он. — А потом жалуются, что их обидели... Так сами напрашиваются!»

Но вряд ли завсегдатаев «Сапфира» интересовало мнение какого-то гастарбайтера. Возвышенные мысли о черном безжизненном космосе и солнце, вокруг которого концентрируется вся местная жизнь, их тоже не посещали... Они «решали свои вопросы», как принято говорить в последнее время, хотя здесь за этим деловым оборотом стояло обычное удовлетво-

рение физиологических потребностей, которое напряжения ума совершенно не требовало.

Дверь заведения снова открылась, и на улицу вышли трое мужчин — далеко не первой молодости, но облаченных в молодежный прикид. Одному было далеко за пятьдесят, короткая стрижка не могла скрыть седины, однако возраст он старательно маскировал: синий пиджак от «Версаче», белая рубашка поло с синими пуговицами, джинсы и блестящие новенькие штиблеты. Второй если и был моложе, то не намного, хотя бритая голова исключала вопросы о седине; расстегнутая полосатая рубаша навыпуск со слегка закатанными рукавами, под ней майка Logo Piano, отглаженные светлые спортивные брюки и белые кроссовки. Третьему на вид немногим за сорок, но очевидно чересчур увлекается пивом — легкий, почти прозрачный кремовый полотняный костюм, мягко говоря, не очень хорошо сидит на грузной фигуре с неприлично большим животом; впрочем, черные лаковые туфли никаких нареканий не вызывают.

С трудом изобразив доброжелательность на не приспособленных для добрых эмоций грубых лицах, «рыбы» солидно подплыли к яркой стайке оживленно щебечущих ночных мотыльков, которые их тайно и ожидали, а теперь, развернувшись, заинтересованно встретили возможных кавалеров на час ослепительными улыбками, иногда напоминающими плотоядные оскалы мелких хищных зверьков.

После короткого знакомства компания двинулась по посыпанной красным песком аллее к бассейну, откуда доносились звонкий смех и всплески воды. Их место тут же заняли несколько молодых людей, тоже вышедших на относительно свежий воздух — время шло к разводу, и надо было определяться: оставаться на after party или, склеив подружку, возвращаться домой. Некоторые уже определились с этим важным вопросом: коротко стриженный мужичок в «Версаче» и девушка в мокром, туго облепившем тело платье, обнявшись, шли от бассейна к гостинице.

— Смотри, Азамат, совсем стыд потеряли! Он же ей в отцы годится! — осуждающе сказал таксист сам себе и взялся за телефон, собираясь уточнить, не отменен ли заказ, но как раз в это время из клуба вышла высокая стройная брю-

нетка в джинсах, красной маечке с надписями по-английски и красных балетках на плоской подошве. В руке она держала большую сумку, как будто только что приехала издалека или, наоборот, — собралась уезжать.

— Виолетта, королева шеста! — возбужденно закричали молодые люди, которые к интересующей профессионалок «рыбе» не относились — так, плотва, карасики мелкие. Когда-то, может, подрастут, заматереют, наберут веса, а может, и нет: сожрет мимоходом вечно голодная щука или быстрый сазан заглотнет между делом — и все дела! Но пока они своей судьбы не знают — веселятся, понтуются, бьют хвостами, поднимая быстро лопающиеся пузыри...

— Иди к нам, Виола, выпьем, надо же расслабиться после работы! Потом отвезем, куда скажешь!

Как всегда не обращая на поклонников внимания, она быстро проходит мимо, и парни, зная, что охрана в «Сапфире» резкая, а «крыша» солидная, вольностей себе не позволяют, только жадно провожают глазами гибкую фигурку, которая привычно ныряет в заднюю дверь ожидающего такси.

— Облом! — говорит высокий худой блондин в черной траурной майке с белым черепом на груди. — Ничего странного — ее никогда никто не увозит!

— Значит, есть постоянный папик, гарантированное содержание и все такое, — философски замечает его товарищ. — Тогда с этим строго...

Желтая «Нексия» выезжает из освещенного пространства и скрывается в темноте холодного и смертельно опасного космоса. Почти сразу с парковки срывается черный, как сажа, угловатый «Гелендваген», пускается следом, как волк, преследующий дичь, и мгновенно растворяется в такой же черной ночи, которую любят хищники и у которой почти всегда пользуются взаимностью...

Как обычно после выступления, Виолетта устала, глаза слипались. Приборная доска «Нексии» светилась мягким зеленоватым светом. В отличие от напористо-токсичного цвето-звукового фона «Сапфира» он не возбуждал нервную систему, не пробуждал глубоко запрятанную первобытную агрессию, а успокаивал и расслаблял. Однако расслабиться она не могла: от водителя исходила непонятная, но явная

волна враждебности, и это настораживало: мало ли вокруг ма-
ньяков! Сегодня день неудачно начался, неудачно проходил
и заканчивался неудачно: ступком немотивированной злобы
за рулем... И закончится ли он только этим? Она оглянулась
назад, и сердце провалилось — если не в пятки, то до желудка
точно: две желтые точки, словно глаза зверя, неотрывно мая-
чили сзади и заметно увеличивались.

— Прибавьте скорость! Пожалуйста! Я заплачу! За мной
гонятся!

— Сама виновата! — буркнул водитель. — Веди себя, как
порядочная, никто гнаться не будет!

Виолетта в истерике заколотила кулачками по мягко под-
дающей спинке переднего сиденья.

— Если догонят, они меня... — фальцетом выкрикнула
девушка и осеклась. — В общем, плохо мне будет... Могут
и убить!

— Сиди дома, готовь обед мужу, воспитывай детей, плохо
не будет, только хорошо будет, — процедил водитель.

— Нет у меня мужа, и детей нет, да и дома тоже нет! При-
бавьте газу!

— А у меня есть и жена и дети, только далеко. А здесь мы
с земляками вчетвером подвал снимаем, чтобы деньги зарабо-
тать и домой отослать! И если у меня права заберут, то вся се-
мья голодать будет! Да и с этими, которые гонятся, зачем мне
ссориться? Чтоб меня убили? Сейчас я тебя высажу, и сама
с ними разбирайся!

— А ты весь такой хороший да правильный? — зло огрыз-
нулась Виолетта. — Земля круглая, настанет момент, может,
тебе тоже о помощи просить придется! А тебе в ответ болт по-
кажут!

— Да уж ты, небось, на болты насмотрелась...

— Что ты там бурчишь?! — Она хотела послать наглеца
куда следует, но порыв внезапно прошел, накатила усталость
и безразличие обреченности. Глядя на неумолимо приближа-
ющиеся фары, она заплакала.

— Поздно слезы лить, раньше надо думать, — немного
смягчился водитель. — Да может, это и не за тобой... Мало ли
машин в Москву едет!

Но девушка, несмотря на молодость, знала: хороший конец бывает только в сказках. Да в кино. Но сказки — они сказки и есть, а в кино все по сценарию: его специально пишут для хеппи-энда. Реальную же жизнь никто не поправляет в лучшую сторону, поэтому дерьма в ней больше, чем золота, а трендюлей отваливают чаще, чем дарят подарки. Вот Надька выехала с каким-то вроде приличным мажором — и пропала, только через неделю нашли в канализационном люке... И что же? Да ничего — мажор месяц отдыхал на Мальдивах, потом объявился как ни в чем не бывало: танцует, веселится, снимает девочек... Говорят, не он Надьку в люк положил. А там — кто знает: он, не он... Несмотря на ее мольбы и слезы, водитель не собирался увеличивать скорость; правда, и останавливаться передумал. Виолетта забилась в угол и впала в оцепенение.

На пустынном темном шоссе «Гелендваген» легко нагнал желтую «Нексию», как волк настигает козу, и, вырвавшись вперед, круто развернулся, перегораживая путь. Таксист вдавил в пол педаль тормоза, заскрипели стертые колодки, пассажирку бросило на спинку водительского сиденья, раздался глухой удар и короткий вскрик. Со скрипом стирая об асфальт резину заблокированных колес и оставляя на асфальте пахнущие гарью черные полосы, желтое такси протащило юзом несколько метров и замерло перед престижным внедорожником, в опасной близости от лакированного, неимоверно дорогого борта.

Водитель облегченно перевел дух: обошлось! А ведь еще метр — и пришлось бы почку продавать! У этих ребят все просто: кинут тебе ключи, отберут паспорт, назначат срок и уедут, а ты уж как хочешь выкручивайся... Впрочем, расслабляться рано — сейчас опасность не миновала: еще неизвестно, какую они предьяву выкатят... Подмосковная ночь — все равно что не знающие законов джунгли: здесь кишат агрессивные и безжалостные зубастые, клыкастые, когтистые, вечно голодные твари, и хорошо, если у тебя есть твердый панцирь, острые иглы с болезненным ядом, быстрые ноги или мощные крылья, способные унести от опасности... Но у таксиста ничего этого не имелось: он один-одинешенек, без всякой «крыши», как мягонький и жалкий бесправный зайчонок, по глупости

и случайности заруливший в чужой бескрайний темный лес на раздолбанной галоше...

Тут и земляки не помогут — это ведь не беззащитный местный люд всей кодлой кошмарить... А за преследователями сила, деньги и связи — вон на какой тачке катаются! И миграционная служба наверняка у них с руки кормится, и менты, да и все те, кто должен наводить закон и порядок в этих опасных ночных джунглях...

Сзади застонала распутная ханум, из-за которой все и произошло, — видать, нечистый заставил его взять этот стремный заказ! Она прилично ударилась при торможении, но шайтан с ней — ему надо о себе думать...

И действительно, этот момент наступил. Дверцы угловатого и грозного, как танк, «Гелендвагена» синхронно распахнулись, и наружу неспешно выбрались два рослых широкоплечих мужчины официального вида: в черных костюмах, белых сорочках с галстуками и таблетками телефонов в ушах, от которых уходили под ворот белые витые шнуры. Вообще-то, серьезные охранные фирмы, а тем более могущественные государственные службы уже давно перешли на беспроводные гарнитуры, которые не бросаются в глаза и не привлекают излишнего внимания. Но те, кто любит рисоваться и «колотить понты», не скрывают аксессуаров своей работы, а скорее выставляют их напоказ.

Впрочем, таксист ничего этого не знал, да и думал совсем о другом: о сохранности своей машины, черепа, зубов и костей. С тех пор, как участковый отобрал острый отцовский пчак с костяной ручкой, а короткую тяжелую дубинку, привязанную под сиденьем, он сам выбросил, попав в гаишный рейд, про дух, честь, достоинство и прочие нематериальные категории он уже не вспоминал.

«Черный костюм», который был повыше, по-хозяйски, вразвалку подошел к водительской двери и согнутым пальцем постучал в стекло. Судя по манерам, в прежней жизни его обладатель работал в ГАИ и носил официальную форму. Но одежду сменить гораздо легче, чем повадки...

«Неужели права попросит?» — вполосенно мелькнула глупая мысль. Но нет.

— Ты что не останавливаешься, сука? — процедил бывший гаишник.

Его напарник тем временем резко распахнул заднюю дверь.

— Вылазь, сука, приехала! — тем же тоном произнес он. Судя по схожему лексикону и одинаковым ухваткам, нынешние охранники когда-то работали в одном подразделении.

— А кто меня останавливал, начальник?! — начал привычно оправдываться водила. — Я еду себе и еду...

— Ты дурака не строй, я тебе фарами мигал! — прикрикнул бывший гаишник и хлопнул водителя по щеке — не больно, но обидно. Впрочем, кто же обращает внимание на такие мелочи?

— Клянусь Аллахом, не видел! Я могу штраф заплатить...

— Заткни его знаешь куда?!

Сзади раздавалась возня, ругань и крики.

— Я никуда не пойду! — испуганно восклицала пассажирка. — Убери грабли! А-а-а!

— Серый, помогай, она мне всю руку расцарапала! — обиженно воскликнул второй бывший гаишник. Он пытался за ногу вытащить девушку из машины, но та вцепилась в ремень безопасности и отбивалась второй ногой, причем довольно успешно — ему удалось извлечь наружу только большую сумку.

— Шас, Костян, сделаю. — Серый открыл заднюю дверцу, рывком сорвал тонкую руку с ремня и вытолкнул Виолетту прямо в расставленные лапы разъяренного напарника, который тут же покарал ее звонкой оплеухой.

— Глохни, зараза, а то я тебя прямо тут закопаю! — взревел Костян.

— Ай! — взвизгнула девушка. — Смотри, как бы тебя не закопали!

— Давай, уматывай отсюда по-быстрому! — приказал Серый таксисту, который чувствовал себя, как окруженный удавами кролик. — Ты ничего не видел, не слышал, и не знаешь!

— Так я и правда ничего не знаю! — оживая, воскликнул тот, тронул такси с места прямо с распахнутыми дверями, аккуратно объехал «Гелендваген» — и дал по газам. Похоже, сегодняшняя история закончилась для него удачно.